

Преставление св. Фотия, митрополита Московского и Киевский

память 2 /15 июля

После кончины св. Киприана (+ 16 сент. 1406 г.) более двух лет прошло, пока прибыл в Россию новый митрополит. В. кн. Василий Дмитриевич смиренно предоставил патриарху и собору дело о новом митрополите России. Витовт, в. кн. Литовский, отправил в Константинополь Феодосия, епископа Полоцкого, с настойчивой просьбой как о посвящении его в митрополиты, так и о том, чтобы он был отдельным Литовским митрополитом. Давнее желание властителей юго-запада России иметь особого митрополита в этот раз обнаружилось в резком виде оттого, что Витовт и в. кн. Василий вели в это время войну между собою. П. Матфей не признал нужным на сей раз отступить от древнего обычая и отправил в звании митрополита всей России известного ему с лучшей стороны Фотия.

О жизни своей до отправления в Россию вот что пишет блаж. Фотий в предсмертном своем завещании: «с юного возраста желал я жить для добродетели; потому удержался я от приятностей брака, не прельстили меня почести Мира и не желал я временной славы человеческой. Счастье земное представлял я в вид корабля, который, не видя того, что позади его, встречает впереди себя только препятствия и стеснение. Одного желал я, об одном заботился - представить бессмертную душу мою чистою Богу и Владыке моему. Как только расстался я с Миром, под покровом благодати Божией устремлял я мысли и душу мою к светлым небесным селениям; меня просветили наставления святого старца Акакия, великого, равного древним великим отцам, которого уважали царь, патриарх и святители.

Я еще отроком был, когда поручил себя сему святому наставнику; душа моя еще не знала тогда зла, и я с юных лет, под его руководством и наставлениями, напечатлевал в душе моей образ благочестия. Великий святитель любил меня и всегда беседовал со мною, как с любимым сыном, укреплял меня Верою, хранил чистоту тела моего, наполнил ум мой полезными познаниями, наставил, как мне жить, как мне быть мертвым для Мира. И я желал жить не в связи с призрачными образами временной жизни, а стремился душою созерцать чистые, святые, светлые предметы той жизни. И вот встретился я, бедный, с неожиданным несчастьем. По воле святого старца, великого между святителями, кир Акакия, прибыл я из Мореи в Константинополь, и державный император Мануил возложил на меня тяжесть, чтобы принял я великую степень святительскую; Богу известно, что собор долго принуждал меня к тому, но не мог я избавиться; святейший патриарх кир Матфей с собором определил, и я отправился в святейшую митрополию Русскую». По этим словам видно, что не легко было бл. Фотию расставаться с Востоком. В утешение душе своей он взял близких к нему иером. Пахомия из Болгар, с которым жил он у блаж. Акакия, и Патрикия. И в Морею, и в Константинополе он заставил любить себя. Из Константинополя поддерживал дружеские сношения с ним самый образованный муж своего времени, благочестивый учитель Константинопольской Церкви, иер. Иосиф Вриенний. Патриарх в настольной грамоте одобрял Фотия, как весьма способного наставника в вере и благочестии. Монеувасийская Церковь, где ревностно исполнял он благие распоряжения архипастыря ее Акакия, поминала его в молитвах, как «возрастившего ее своими трудами и украсившего своими приношениями». Так как в Морею много было и Славян во время блаж. Фотия, то если не успел он коротко узнать язык их, в чем сознается сам по крайней мере дух и обычаи Славян были ему известны, что, конечно, немало значило для служения его в Церкви Русской.

Сент. 1-го 1409 г. бл. Фотий прибыл в Киев. Так как на юго-западе жаловались на то, что не видят у себя митрополита, то Фотий пробыл там более 7 месяцев, лично осматривая положение дел и решая жалобы на нарушения порядка. Особенно же пустыннолюбивой душе его отрадно было видеть пещеры подвижников Божьих и здесь просить помощи новому служению своему у небожителей пещерных. Наконец, отправился он в Москву. Накануне Пасхи (22 апр. 1410 г.) в. князь и все духовенство Московское далеко за городом встретили Фотия. Много горького досталось видеть Фотию в Москве. После нашествия Едигея (в дек. 1408 г.) все города России от Рязани до Ростова и от Нижнего до Твери и Серпухова были опустошены; кремль Московский спасся, но все посады Москвы сгорели. В дом митрополии, где так долго не было хозяина, Фотий «не нашел ничего»; даже недвижимые имущества митрополии расхищены. Фотий «начал восстанавливать церковные имущества и доходы митрополии и стал отыскивать, где что пропало, что взято с обидою князьями и боярами, что похищено другими корыстолюбивыми людьми, села, волости, доходы, пошлыны, принадлежащие дому Пречистой Богородицы». Собрав возможно точные сведения о положении имуществ митрополии, он обратился с просьбою к в. князю о защите Церкви от своеволия людей. «Молю благочестие твое, сын мой, писал он, утверди твоею грамотою принесенное в дар Церкви Божией, огради все ее обычные права, укрепи ее пошлыны». Затем отправился он осмотреть другой кафедральный град своей митрополии - Владимир. Соборный храм Владимирский незадолго пред тем был расписан лучшими иконописцами Даниилом и Андреем Рублевыми и известен был богатством своим. Фотий поручил прибывшему с ним Патрикию охранять кафедральный собор и отправился в Святоозерскую пустынь, любимое местопребывание св. Киприана. Но едва выехал он из Владимира, как (3 июля 1410 г.), по наущению Нижегородского кн. Даниила Борисовича, царевич Талыча с толпами татар напал на Владимир. Грабители опустошали и жгли селения и храмы, - ворвались в соборный Владимирский храм, - оборвали св. иконы, требовали у Патрикия скрытых им сокровищ храма, - сосудов и казны. Патрикий, верный своему долгу, не выдавал. Его предали огню, содрали с него кожу, влачили по городу, привязав к лошадиному хвосту, и, замучив до смерти, не вынудили измены. Талыча посылал татар - захватить самого святителя, но бл. Фотий удалился с Пахомием в глухие леса на озеро

Синег, что ныне в Покровском уезде. Тихое, безмятежное место напоминало собою пустыню бл. Акакия. Увлеченный прелестью уединения, бл. Фотий устроил здесь храм Рождества Богоматери. Представляя себе волнения и труды служения пастырского, с сокрушением повторял: «думал ли я расстаться с любезным мне молчанием и плачем о грехах моих? И что стало со мною? После такого покоя сколько тревог, волнения, трудов!» Давно миновала опасность со стороны татар, прошло более месяца со времени удаления из Владимира, а пустыннолюбивый пастырь не думал оставлять дорогого безмолвия. В. князь прислал к нему с просьбою возвратиться на кафедру. Надобно было Ехать в Москву. Государь встретил митрополита с радостью. После беседы о прошлых бедах в. князь передал пастырю приятное известие о желании императора сочетать дочь Московского князя и внуку Витовта с сыном своим. Святитель благословил этот союз, так как он обещал много полезного для св. Церкви. Благожелательному святителю и молитвеннику, вслед затем, как совершился брак, прислан был из Константинополя саккос с шитыми изображениями молодой царственной четы, в. князя, его супруги и самого Фотия; по краям саккоса вышит золотом по-гречески Символ веры, без прибавления слова: «истинного». Между тем Фотий продолжал преследовать дела об имуществе митрополии. Это возбудило против него сильные неудовольствия; даже в. князь не совсем доволен был этим делом, так как некоторые доходы со спорных земель шли в его казну; а люди услужливые старались клеветами усилить неудовольствие в. князя на митрополита. Злость и неправда осыпали бл. Фотия злоречием. Пастырь, не дорожа ничем земным, заботливый только об исполнении долга своего, в письме к в. князю приводил примеры великих имп. Константина и Феодосия и учреждение имп. Мануила об имуществе церковных. «Но ныне молчит все древнее, говорил он далее, и много говорит новое. Меня порицают. Для меня не важно, хвалят ли меня, или бранят. Хула не печалит меня и для похвалы не сделаюсь я хуже. Бранят ли, меня, хвалят ли, останусь тем же, чем был: ибо я раб Божий, хотя и грешный. Тому, кто во всем предает себя воле Божией и все творит для славы Божией, не на что более смотреть. Тебе же, сын мой, да будет ведомо, что ты человек, и царствуешь с Богом над Его избранной паствой; потому должен подвизаться за Его паству и за Его правду против всякого восстания, даже до крови. Знай, сын мой, что ты оскорбляешь Церковь Божию, с насилием отнимая у нее не принадлежащее тебе. Говори же, сын мой, к Церкви Христовой и ко мне, отцу твоему: «согрешил я, отче, прости меня, отсель найдешь во мне благопокорного сына во всем, чего требует закон; нарушенные права Церкви восстановлю, данное и утвержденное прародителями моими, но потом, в течении многих лет оставленное и обедневшее, возвращу». Вот в чем прошение мое к человеку Божию и великому князю всей России. При такой настойчивости пастырь, хотя и не скоро, хотя и с скорбями, успел возвратить кафедре все принадлежащее ей, успел приобрести и кое-что вновь то покупкою, то от добровольных приношений. Заботы о делах земных св. пастырь облегчал современными беседами с современными подвижниками благочестия, каковы были преп. Никон Радонежский, Серий и Павел Обнорские, Дионисий Глушицкий, Ферапонт Можайский. По любви к иноческой жизни Фотий основал вблизи от себя Новинский монастырь на земле, принадлежащей митрополии. По временам же удалялся он в подмосковное Голенищево, любимое св. Киприаном. В 1413 г. Москва обрадована была явлением чудотворной иконы Богоматери на Колоче, и блаж. Фотий встречал св. икону торжественно в Москве. Столь же утешительным событием было обращение к св. вере упорных язычников Мценской страны. Язычники отвергали все увещания, которые предлагались им проповедниками св. веры. «В. кн. Василий Дмитриевич послал войско, а митрополит Фотий священника». Упорные язычники внезапно ослепли. «Устрашенные силой оружия, а еще более внезапной слепотой, послушались проповеди и жители как самого города, так и его окрестностей были крещены».

Для блаж. святителя пришло время тяжкое. Витовт, созвав себе подвластных князей Русских, объявил, что надобно отказать Фотию в управлении Литовскими церквами и иметь особого митрополита. По общему решению послали просить у императора и патриарха

особого митрополита. Император и п. Евфимий не нашли нужным исполнять желания Витовта, и Григорий Цамвлак, которого желали видеть митрополитом, возвратился ни с чем. Витовт созвал епископов и архимандритов своей области и предложил им свое желание и отказ Востока. Духовные, как говорит Витовт, согласились с тем, что «вследствие дальности митрополита от их епархии выходит много беспорядков, и что они могут без патриарха посвятить митрополита». По летописям духовенство долго не соглашалось с желанием Витовта и указывало на правило церковное (4 Всел. Соб. пр. 12); но ему грозили бедствиями Церкви и силою вынудили согласие. Подтверждением верности летописного известия служит то, что после совещаний Витовт снова послал в Константинополь прежнюю просьбу свою. Отправляя послов в марте 1415 г., он требовал прислать ответ не позже 15 августа, прибавляя, что иначе будет избран и посвящен митрополит местными епископами. Когда из Константинополя не прислали ответа и в начале ноября, то 14 ноября возведен был на степень митрополита Литовской России Григорий. Епископы Литовско-Русские обнародовали два послания, одно к Фотию, другое ко всей Русской Церкви. В первом они объявляют, что при первом посещении Киева Фотием, они заметили в нем действия, противные церковным правилам, а после услышали о поступке, подвергающем его извержению; но они не хотят наносить ему бесчестия и только отказываются от повиновения ему. Во втором они оправдывают поставление Григория в митрополита: указывают на невыгоды, какие терпела Киевская Церковь от пребывания митрополита в Москве, - на примеры поставления митр. Илариона и Климента, на правило Апостольское и, наконец, на незаконность произволов императора. - Витовт издал от себя грамоту, где высказывал резкие жалобы на императора, патриарха и Фотия, и говорил, что он действовать согласно с волею князей и только для чести Русской Церкви. Блаж. Фотий желал отвлечь собиравшееся несчастье личным объяснением с Витовтом, но обобраный на границе Литвы, принужден был возвратиться в Москву. Пастырю России нельзя было не подать голоса своего о столь важном событии, каково разделение митрополии. Блаж. Фотий написал окружное послание. Но ни в этом, ни в других посланиях ни слова не говорит он о своей личности в защиту против обвинений, взведенных на него епископами и Витовтом. Черта замечательная и вполне приличная пастырю! Зато каждый сторонний в праве и должен сказать правду о блаж. Фотии. Витовт писал, будто взяты из Киева в Москву драгоценные утвари, «св. мощи, доски страдания Христова, скипетр Пресв. Богородицы, риза и сандалия Ее». Если бы это была правда, то означенные священные предметы известны были бы Москве по летописям и описям Москвы, они, конечно, сохранились бы до позднего времени; а о них никто и никогда не знал в Москве. Епископы говорят о каких-то поступках Фотия в Киеве, о которых дошли до них сведения. Но по правилам Церкви надлежало потребовать объяснений от обвиняемого и потом уже составлять решение, при том, по отношению к митрополиту то и другое надлежало совершать не иначе, как с разрешения патриарха. Без всякого сомнения оскорбительные отзывы Витовта и епископов о Фотии составились на основании слухов, распушенных дурными людьми, бежавшими из Москвы в Литву. «Дурные люди, говорит летопись, составили множество клевет на него; это те домашние его, которые бежали из Москвы к Черниговскому владыке, а оттуда в Литву к Витовту». В окружном послании своем Фотий защищает императора и патриарха, оправдывает единство митрополии древностью его, напоминает епископам Литвы их клятву не принимать иного митрополита, кроме присланного из Царьграда, и приводит одно за другим до 30 правил в подтверждение того, что приемлющий власть незаконно не истинный пастырь и посвящающие себе пастыря самовольно подвергаются отлучению. Это послание, как и все дело о Григории, рассмотрено было на соборе пастырей, собиравшихся в марте 1416 г. для посвящения Новгородского архипастыря. В защиту блаж. Фотия и всей Московской Церкви в это время совершилось несколько чудес от мощей первого митрополита Москвы св. Петра, - а Киев ограблен и предан был огню Татарами. Блаж. Фотий писал в Псков: «не дивитесь случившемуся... Время поставляет слуг своих. Блюдите свою истинную православную веру

и обычаи, удаляйте и от слуха вашего несправедные писания нарушающих св. правила. Если же кто из той мятежной страны, из Литвы, перейдет к вам жить, принимайте их к себе, как православных христиан, удаляющихся неправды».

Печальное время разделенной митрополии длилось не долго. Григорий умер в 1419 г. Свидригайло, выпущенный из темницы (в 1418 г.) друзьями православия и всегда готовый действовать в защиту православных, пугал собою Витовта и заставил его отложить в сторону планы Ягайлы о папизме. Потому, вслед за смертью Григория Витовт дал согласие на то, чтобы Фотий снова принял в свое заведывание епархии юго-запада. Блаж. Фотий отправился для обозрения юго-западной митрополии. В 1420 г. был он в Новгороде у Витовта и в Мстиславле у кн. Симеона Лугвеня, а в Слуцке крестил сына у кн. Александра. Затем из Киева в 1421 г. был во Львове; праздник Рождества Христова провёл во Владимире. Волынском, в день Богоявления прибыл в Вильну. Вероятно в это время крестил он внука Мамаева кн. Олексу, родоначальника князей Глинских: Олекса крещен был митрополитом в Киеве.

Скорби не преставали теснить попечительного пастыря. Три года сряду (1420 - 1422) не родился хлеб в России и цена возвысилась на него до крайности. С 1417 г. моровая язва переходила из одного места в другое, и с 1420 г. начала действовать с возрастающею силою в страшных видах. Святитель рассылал послания и поучения, одно за другим, призывая к покаянию нераскаянных и утешая унывавших. - В этих скорбях святитель утешен был помощью Богоматери: с принесением Чирской иконы Одигитрии во Псков во Пскове утихла (1420 г.) язва, и митрополит благословил праздновать во Пскове, июля в 16 д., Чирской иконе. Спустя два года открыты были мощи пр. Сергия, - как торжество духа над смертью и тлением, и около того же времени прославился чудесами преп. Никита, Переяславский столпник.

Но вот и еще заботы. В начале 1425 г. февраля 29 д. скончался в. кн. Василий Дмитриевич, оставив по себе сына Василия 10 лет и четырех братьев. Три младшие брата еще при жизни Василия Дмитриевича признали племянника в. князем. Юрий Дмитриевич, князь Галичский и Звенигородский, не скрепил своим согласием духовного завещания, как сделали братья. Лишь только скончался в. князь, в ту же ночь м. Фотий отправил своего боярина в Звенигород - звать Юрия в Москву для определения отношения его к престолу в. князя. Но Юрий не поехал и в Галиче начал собирать полки. Войска в. князя также двинулись. Принужденный бежать, Юрий просил перемирия. В Москве видели необходимость - укрепить согласие в виде более прочном. И вот по общему голосу святитель Фотий отправился в Галич - убеждать Юрия к полной покорности. Он так спешил выполнить важное поручение, что, не смотря на все просьбы, не остался в Ярославле совершить литургию в день св. Предтечи (24 июня). Юрий принял блаж. Фотия с честью за городом, тогда как собранные из сел толпы народа расположены были в виду по горе, чтоб испугать Фотия. Митрополит, поняв мысль Юрия, сказал: «сын князь Юрий! не видывал я никогда столько людей в овечьей шерсти». Святитель убеждал прекратить притязания на престол в. князя и заключить вечный мир. Юрий не согласился. Святитель оставил город, не преподав святительского благословения. И губительная болезнь, уже действовавшая в разных местах и в самой Москве, немедля начала свирепствовать в Галиче. Народ пришел в ужас, и Юрий познал вразумление Божие. Он поспешил за удалившимся святителем и со слезами умолял возвратиться в город; он согласился на мир с тем, чтобы в договоре спор о престоле предоставлен был решению хана. Так стараниями блаж. Фотия остановлены были кровавые междоусобия.

Последние годы блаж. святителя особенно тяжелы были по скорбям от усилившейся страшной заразы в народе. Чадолюбивый архипастырь глубоко сочувствовал страданиям паствы своей. «Богу известно, писал он, как тяжелы были горести мои о разлучении с нами благочестивого вел. князя Василия Дмитриевича. Но затем наступило еще большее бедствие и мне надобно было плакать и рыдать. А там и еще впал я в более глубокую скорбь. Жалость ела меня и вместе с пророком исчезали очи мои от слез о пастве Христовой, от

необозримой смертности и опустошении жилищ христианских, постигшего за нашу нераскаянность пред Богом». Так исповедуется блаж. пастырь в предсмертном своем завещании. В посланиях и поучениях своих он выражал те же чувства сострадания и преподавал спасительные утешения. «Господь ищет спасения нашего, а не гибели, писал он во Псков, когда там стала утихать болезнь. Много раз поражая, бережет Он корень, чтобы могли явиться плоды. Было и у нас такое же посещение Божие в Москве и окрестных городах, в Твери и пр. местах. Благодарим неисследимые пути человеколюбия Божия; не вдруг, не внезапно похищает смерть, но дает больным христиански умереть, о чистым покаянием, елеосвящением и с причащением св. и животворящего тела Христова и животворящей крови Его. А многие отходят к Богу и в чине великого ангельского образа. Об отходящих с таким приготовлением уповаю я на человеколюбие Божие».

В 1430 году, когда исполнилось 20 лет служения архипастырского в Москве, пришел вестник с приглашением блаж. Фотия в другой мир. - На Светлой неделе в четверток (20 апреля) после утрени Фотий лег отдохнуть. Вдруг засиял необыкновенный свет. И святитель увидел пред собою светящегося мужа, с венцом на голове и с посохом в руке. В трепете Фотий спросил: «кто ты и как явился здесь, когда двери заперты?» «Я не из числа людей, отвечал посетитель, но ангел Божий и послан к тебе от Господа Вседержителя Саваофа. Господь повелел сказать тебе слово для утверждения твоего. Внимай себе и стаду твоему. Христос Бог дает тебе седмицу на рассмотрение жизни твоей и на распоряжение о пастве». Услышав эти слова, святитель в трепете пал к ногам посланника Божия, но он стал невидим. Это видение и слова ангела так потрясли Фотия, что он долго лежал на полу, пока иноки, жившие с ним, не вошли и не положили его на постель. Он молчал и не раскрывал глаз. Потом пришел в себя и рассказал видение; святитель предоставил себя воле Божией и продолжал вверенное ему служение.

Спустя 5 месяцев после видения, первосвятитель вместе с великим князем был в Литве у Витовта, по особым обстоятельствам. Еще в 1429 году император Сигизмунд предложил на сейме Литовском возвести Витовта в сан короля. Тогда же он, побужденный просьбами императора Иоанна Палеолога и явными беспорядками западной иерархии, объявил твердое намерение заняться делом соединения Церквей и его мысли клонились вовсе не в пользу Римской Церкви. В августе 1430 г. надлежало быть съезду князей и государей в Литве и тогда же Витовту надлежало быть коронованным. Великий князь Московский отправился в Вильну и с ним отправился митр. Фотий, как связанный по званию своему с властителями Москвы и Литвы. Мечта престарелого Витовта не осуществилась. Поляки перехватили послов, посланных императором с короною. Витовт, сраженный скорбно, день ото дня близился к смерти, и она последовала 29 октября 1430 г. Фотий оставался в Вильне почти до самой смерти Витовта. Он виделся потом и с новым великим князем Литвы Свидригайлом, которого все Русские любили за благосклонные расположения его к православию. Без сомнения к этому-то времени, когда думали решить примирение между Церквами восточною и западною, блаж. Фотий приготовил сочинения свои об исхождении Святого Духа и о различии Церкви восточной от западной. - Ими он готовил как юного государя Московского, так и других своей паствы, к делу о соединении Церквей. И конечно наставлениям блаж. пастыря одолжена была Русская Церковь тем, что молодой великий князь с такою твердостью отверг унию Исидора. Наконец срок, назначенный блаж. Фотию для приготовления к вечности, скончался. Он мирно почил 1 июля 1431 г. Мощи его обретены в 1471 г.

Святитель оставил после себя множество поучений и посланий. Особенную важность для Церкви некоторые из них получили впоследствии. Таково - послание его в Псков от 12 августа 1419 г. Здесь говорил он Псковичам: «относительно того, что пишете мне об аллилуйи на славах, - так говори: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков, аминь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» и еще 2 раза». На это послание указывал еще в XV веке сочинитель послания «к Афанасию, к титору великой лавры св. Николы о трегубой аллилуйи». «Надлежало бы тебе, отче, послушать,

как Самого Христа, кир митрополита Киевского, Московского и всей России, Фотия, что писал он нам в дом Святой Троицы во Псков, прислал грамоту, запечатанную печатью с воплощением Сына Божия в чистой Деве Марии, Богородице, каковая грамота и поныне лежит у Святой Троицы; в ней так написано: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже». Замечательно, что и в Греческой триоди святителя Фотия *αλληλουια* написано трижды. В одном из трех посланий против стригольников блаж. Фотий писал: «если правила св. Апостолов и Вселенские св. соборы запрещают, даже с угрозою проклятия, священническому чину составлять отдельные собрания: тем более возбраняют они Мирянину осмеливаться на что-нибудь подобное. Мирянин не облечен священным саном; он - овца словесная - обязан повиноваться церковному порядку... Пусть говорят хульное на епископа или на священника: не следует отлучаться от общения с ним, пока не произведен будет суд и тот не будет лишен звания». Обращаясь к священникам, говорит: «вразумляйте их со всем вниманием; если не обратятся, отлучайте их от православной веры, чтобы не были они между вами, как плевелы между пшеницею». В другом послании писал: «слышу, что у вас некоторые, не радя о своем христианском имени, ни во что ставят великое Божие священство и иночество... Христианская вера утвердилась учением и властью Апостолов; та же власть, по заповеди Христовой, дается святительскому и священническому чину. Священству Божию вручено право прощать грехи. Если те не обратятся, не принимайте от них приношений и отсекайте их, как гнилые члены, от здорового тела - Церкви Христовой». Он же писал: «как небо отстоит от земли, так наш сан выше всякого Мирского, так Христово священнодействуемое таинство выше всего в мире. Христос Сам священнодействовал, дав нам тело Свое и кровь Свою в пищу и питье, и завещал чрез Апостолов творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается Божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сотворил его яко Бога, поручил нам дело, которое принадлежит единому Богу - прощать грехи человеческие».

Из поучений блаж. Фотия назидательны поучения его, говоренные во время общественных бедствий.